

H.F. Jahn. Armes Russland. Bettler und Notleidende in der russischen Geschichte vom Mittelalter bis in die Gegenwart. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2010. 250 S.*

Изучение нищенства имеет давнюю традицию. В новейшей европейской историографии существует специальное направление, в рамках которого рассматриваются практики включения/исключения «чужих и бедных» в широком историческом (от античности до наших дней) и сравнительном (на примере различных стран) контексте¹. Россия до недавнего времени оставалась не охваченной этими исследованиями, несмотря на то, что бедность и нищенство в ней не только имеют многовековую историю, но и являются актуальными проблемами сегодняшнего дня. Появление «новых нищих» неизбежно должно было вызвать интерес к изучению истории «старого» нищенства и традиций борьбы с ним в дореволюционной России и Советском Союзе. Однако в большинстве современных публикаций исторические экскурсы, как правило, схематичны или в лучшем случае основаны на исследованиях конца XIX – начала XX в. В СССР актуальные исследования положения социальных маргиналов, в том числе нищих, были прекращены в конце 1920-х гг. и возобновились лишь в начале 1990-х гг. В тех же 1990-х гг. сюжеты, так или иначе связанные с нищенством, привлекли интерес историков. Однако этот интерес имел «побочный» характер, т.е. нищенство рассматривалось в контексте других проблем — как их следствие или сопутствующий фактор (например, в работах, посвященных процессам урбанизации, социальной политике, благотворительности, детской беспризорности, положению инвалидов и др.).

Книга Хубертуса Яна – первое комплексное историческое исследование, в фокусе которого находится проблема нищенства в России. С выходом этой книги можно говорить о восстановлении традиции изучения российского нищенства, прерванной 80 лет назад. В то же время исследование Яна является оригинальным и новаторским – по постановке проблемы, источникам и используемой методике.

Нищенство как социальное явление (или способ существования) и нищие как социальная группа – довольно сложный объект для анализа. Само понятие социальной группы применительно к нищим является весьма условным, а результаты всех известных попыток подвергнуть их классификации остаются

довольно спорными. Еще сложнее описывать мир нищих и бродяг «изнутри», поскольку это люди «без собственного голоса», практически не оставившие письменных источников (S. 13). Конечно, невозможно создать «универсальную историю нищенства в России» (S. 152), как и универсальную историю чего бы то ни было, и вряд ли это необходимо: феномен нищенства интересен не столько сам по себе, сколько как угол зрения на ряд социальных проблем и как «ключ» к их пониманию. Среди этих проблем – бедность, маргинализация и депривация населения, возможности ресоциализации для аутсайдеров, границы социальной мобильности, качество социальной политики, особенности общественного уклада, взаимоотношения «основного» общества и социальной периферии и т.д.

Конфигурацию исследования Яна определяют три опорные рамки – хронологическая, географическая и содержательная. Хронологически изложение концентрируется на XVIII–XIX вв., хотя в книге присутствуют экскурсы в более раннее время, а небольшой очерк по истории нищенства в XX в., вплоть до современности, позволяет зафиксировать некоторые важные тенденции в эволюции этого социального феномена. Географическим центром исследования выступает Санкт-Петербург. Содержательную доминанту книги автор определяет как социальную имиджинерию бедности: проблема нищенства рассматривается через призму формирования представлений о бедных и нищих и влияния этих представлений на политику по отношению к ним. Таким образом, в фокусе исследования находится не социальная история бедности или описание повседневной жизни нищих, а имиджи бедности и «коллективная реакция на бедность».

Вместе с тем в книге присутствуют не только имиджи, но и реальность бедности, особенности нищенского промысла в разных регионах России, развитие законодательства о нищих, практики социального контроля. Специальная глава посвящена деятельности петербургского Комитета для разбора и призора нищих (1837–1903), в ней впервые на основе широкого круга источников реконструирована история этого во многом уникаль-

* Х.Ф. Ян. Бедная Россия. Нищие и нуждающиеся в русской истории от Средневековья до современности. Пaderborn: Издательский дом Фердинанда Шёнингга, 2010. 250 с.

ного учреждения. Не обошел автор стороной и реальную жизнь нищих — в том числе и за пределами Петербурга. Его наблюдения основываются на данных земской статистики, этнографических описаниях, материалах комиссий по исследованию положения нищих, документах полиции и других источниках. Особого внимания заслуживают опубликованные в приложении статистические таблицы, которые во многом дополняют лаконичное изложение автора.

Главными источниками анализа имиджей бедности служат русские журналы и газеты XVIII–XIX вв., в том числе так называемая бульварная пресса, рассчитанная на массового читателя (всего около 60 изданий), и художественная литература. Ян показывает, как в течение столетия менялось восприятие бедности и бедных, а также отношение к ним в среде интеллектуальной элиты — от создания образа «благородной бедности» и нищего как объекта морализаторства к пониманию нищенства как реальной социальной проблемы, как сферы общественной и гражданской ответственности. Вместе с тем автор замечает, что даже русская литература эпохи реализма не вполне адекватно отражала мир реальных нищих, увлекаясь созданием литературных типажей обитателей социального «дна» (S. 121). Вопрос о том, в какой степени эти описания были результатом творчества, является довольно спорным, поскольку многие авторы создавали свои «типы» в режиме «включенного наблюдения», что следует признать скорее социологическим, а не литературным приемом. Бесспорно другое: именно типы-имиджи нищих и образы бедности в литературе формировали общественное мнение вокруг проблемы нищенства, в конце концов, под влиянием литературы эти явления стали предметом научного анализа.

Гораздо менее очевидна связь между общественным (отраженным в литературе и периодике) и нормативным дискурсами бедности и нищенства в России. По наблюдениям Яна, эти дискурсы, как правило, не пересекались, а развивались в параллельных полях. Публицисты и литераторы, пишущие о проблемах бедности, нередко, например, были не знакомы с историей российского законодательства о нищих и предлагали меры, уже апробированные законодателем (S. 68). Вместе с тем у обоих дискурсов был, по крайней мере, один общий момент: влияние западноевропейских идей и западноевропейского опыта решения этой проблемы.

Влияние европейской традиции на российское законодательство о нищих стало заметным уже во времена царя Алексея Михайлови-

ча, а император Петр I пошел по пути прямого заимствования европейского опыта, не всегда при этом соотнося его с российскими реалиями. Причину неудач петровских попыток ликвидировать нищенство Ян видит прежде всего в феномене реформ сверху. Так, например, намерение Петра I, по примеру некоторых городов Европы, заменить привычную практику подачи милостыни централизованным сбором пожертвований на нужды бедных не встретило понимания среди русских обывателей именно в силу принудительного характера этого нововведения (в Европе подобная практика была введена по инициативе муниципалитетов — т.е. снизу).

Идеи европейского Просвещения и рационализма, транслируемые через литературные журналы, как и публикуемые там рассказы о жизни европейских нищих, должны были изменить устоявшийся, основанный на религиозной традиции, сакральный стереотип восприятия нищего в России, лишив его ореола «святости», как это произошло в Европе. Исследование Яна показывает, что в России эта задача была решена лишь отчасти: в то время как в среде интеллектуальной и политической элиты действительно происходила европеизация сознания, основная масса народа продолжала воспринимать нищих как людей, «угодных Богу» (отсюда русский синоним нищего — «убогий»), а подачу милостыни — как путь к спасению собственной души.

Сохранение традиционного отношения к нищенству, по мнению Яна, объясняет, почему меры властей и полиции, направленные против данного явления, не встретили широкого понимания и поддержки у населения. Устойчивость традиции стала одной из главных причин провала попыток решить проблему нищенства методами государственного регулирования — проекта, утопичного с самого начала его реализации (S. 150–151).

Проблема нищенства перешла по наследству к советскому режиму. Этот этап истории борьбы с бедностью пока лишь фрагментарно освещался в историографии. К сожалению, и книга Яна вносит немного нового в исследование данного сюжета. Автор пишет, что он сознательно отказался от изучения архивных материалов советского времени, поскольку вплоть до Перестройки существование нищенства в СССР официально не признавалось (S. 19). Это утверждение, однако, справедливо лишь отчасти. Действительно, с конца 1920-х до середины 1950-х гг. в открытой советской печати проблема нищенства не обсуждалась. В это время с ним боролись с помощью паспортной системы и секретных указов (в 1951 г. появился специальный указ против нищих).

В 1954 г. о нищенстве впервые заговорили публично, и впервые после 30-летнего перерыва занялись изучением этого феномена на государственном уровне. В 1960-х гг. нищенство в СССР перестало быть массовым явлением и существовало только в виде профессионального промысла и в незначительных масштабах. Оно возродилось вместе с крахом советского проекта. Уже одно это обстоятельство делает изучение советского опыта решения проблемы нищенства отнюдь не бесполезным.

Е.Ю. Зубкова,
доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)

Примечание

¹ Исследование практик включения/исключения «чужих и бедных» на примере различных стран Европы проводилось в рамках большого международного проекта университета г. Трир (Германия). Результаты «трирского проекта» представлены в целом ряде публикаций: *Althammer B.* (Hrsg.). Bettler in der europäischen Stadt der Moderne. Zwischen Barmherzigkeit, Repression und Sozialreform. Frankfurt am Main [u.a.], 2007; *Gestrich A., Raphael L.* (Hrsg.) *Inklusion/Exklusion Studien zu Fremdheit und Armut von der Antike bis zur Gegenwart.* Frankfurt am Main [u.a.], 2004; *Raphael L., Uerlings H.* (Hrsg.). *Zwischen Ausschluss und Solidarität. Modi der Inklusion/Exklusion von Fremden und Armen in Europa seit der Spätantike.* Frankfurt am Main [u.a.], 2004.

Ю.А. Тихонов. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.). Изд. 2, испр. и доп. М.: Кучково поле, 2011. 400 с., ил.

Повседневная жизнь российского дворянства до сих пор остается малоизученной проблемой, между тем ее исследование дает ключ к ответам на многие вопросы, касающиеся менталитета высшего сословия. По словам академика Ю.А. Полякова, «двуединая задача историка – показать человека и обстановку»¹. Именно такую цель преследовал автор рецензируемой книги Ю.А. Тихонов, подробно отобразив сложившийся быт, т.е. сплав материального и духовного, прежде всего мир вещей представителей отечественной элиты конца XVII – первой половины XVIII в., характеризуя его как неотъемлемый компонент культуры того времени.

Рассуждая о научной проблеме «вещь в культуре», академик А.М. Панченко писал, что предметы быта испытывают «воздействие историко-культурных процессов» и в какой-то мере участвуют в них². И действительно, об этом взаимовлиянии культуры и быта наглядно свидетельствуют описания жилищ и имущества в городских усадьбах боярина В.В. Голицына (1689 г.), адмиралтейств-советника А.В. Кикина (1718 г.), сибирского губернатора кн. М.П. Гагарина (1721 г.), членов Верховного тайного совета: князей А.Г. и В.Л. Долгоруковых (1730 г.), кн. В.В. Долгорукова (1731–1732 гг.), кн. Д.М. Голицына (1737 г.); кабинет-министров: А.П. Волынского (1740 г.), гр. А.И. Остермана (1741–1742 гг.), гр. М.Г. Головкина (1741–1742 гг.); опального генерал-адъютанта С.В. Лопухина (1754 г.) и других сановников, их жен и детей (с. 291).

Присоединяясь к высказанному в литературе мнению о том, что проблема мира вещей органически входит в широкое понятие «повседневная жизнь», автор уделяет внимание приказным и дворцовым людям, обслуживавшим городскую усадьбу, а также состоятельности владельцев, тративших немалые денежные средства на возведение построек и закупку продовольственных товаров. Им определены долговые обязательства сановников, многие из которых надолго затягивали выплату денег кредиторам из дворян, ремесленников и купцов.

Столкнувшись с тем, что число введенных в научный оборот источников, раскрывающих образ жизни, пристрастия, уровень образования, доходы и расходы обитателей «дворянских гнезд», крайне невелико, исследователь поставил задачу выявить новые материалы, описывающие усадьбы как жилые комплексы, включая все, что в них находилось. «Кладзем» таких документов оказались хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) описи конфискованного имущества арестованных и преданных суду высших сановников. Этот особый пласт материалов, который лег в основу книги, подробно характеризуется автором в главе «Источники». Тихонов установил, что наряду с судебными органами создавались отдельные следственные комиссии, которые осуществляли выявление и описание имущества в городских домах обвиняемых.

Так, когда в 1727 г. вследствие интриг окружения Петра II был арестован